

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ПОРШНЕВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ БОЛЬШОГО УЧЕНОГО

З.А. Чеканцева

В науке нет такого запретного соседнего или дальнего участка, где висела бы надпись: «Посторонним вход запрещен». Ученому все дозволено – все перепроверить, все испробовать, все продумать, не действительны ни барьеры дипломов, ни размежевание дисциплин. Запрещено ему только одно: быть не осведомленным о том, что сделано до него в том или ином вопросе, за который он взялся.

Б.Ф. Поршнев

Борис Федорович Поршнев, получив образование на факультете общественных наук Московского университета (1922-1925) стал одним из самых ярких обществоведов советского времени. В энциклопедиях его представляют подобно мыслителям эпохи Просвещения: историк, социолог, философ, психолог, антрополог. Он был историком народных движений, международных отношений и социалистических идей, Теоретиком абсолютизма и феодальной формации, одним из родоначальников политэкономии феодализма, философской антропологии, исторической психологии, исторической социологии в нашей стране. Его спорные, но удивительно насыщенные мыслью книги можно отнести к разряду классических: перечитывание их обеспечивает прибывание смыслов.

Б.Ф. Поршнев обладал качествами настоящего ученого: любопытство и неординарное творческое воображение, исследовательский и писательский талант, мощная интуиция, колоссальное трудолюбие, воля и организаторские способности. Все вместе позволило ему стать одним из самых известных советских историков, оставить значительное интеллектуальное наследие и много учеников. Но по большому счету, Поршнев был трагической фигурой нашей науки, не избежав травли в

Зинаида Алексеевна Чеканцева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

годы кампании по борьбе с космополитизмом (1949-1951) и в период интеллектуального «зажима», который сменил непродолжительную хрущевскую «оттепель». Дочь Бориса Федоровича полагает, что именно этот «зажим», точнее, осуждение «научной общечеловеческой» его последней книги «О начале человеческой истории», стали главной причиной преждевременной гибели ученого¹.

Весомый вклад Б.Ф. в трудную «науку вместе жить в этом мире» (Л. Тевено) после долгих споров признан. В литературе описаны с разной степенью полноты основные составляющие этого вклада и даже намечены возможные пути дальнейшего использования его идей². Но его творческая и человеческая судьба, блистательная и трагическая одновременно, еще ждет своего исследователя.

Известно, что историк принадлежит своему времени: возможно, именно поэтому книги по истории так быстро устаревают. Он работает в характерном для этого времени «режиме историчности», и оценка а posteriori вклада ученого в науку предполагает, что его творческая биография будет вписана во множество контекстов (социокультурный, политический, институциональный, интеллектуальный, повседневный и т.п.). Кроме того, для создания полноценной биографии ученого (насколько это в принципе возможно) очень важно учесть не только основные результаты его творчества, но и попытаться понять, как он работал, с какой целью, какие принципы, процедуры были для него важны, наконец, как менялись его представления во времени.

Поршневу был ученым, который всю жизнь пытался разгадать тайну истории. Еще в середине двадцатых годов, совсем молодым человеком Б.Ф. задумал труд под названием «Критика человеческой истории», но спустя полвека частичный результат этого замысла, набор его книги «О начале человеческой истории» был рассыпан, а то, что удалось опубликовать мизерным тиражом после смерти, оказалось урезанным напополам. В 35 лет, в самый канун Великой Отечественной войны, он блестяще защитил докторскую диссертацию³, которая принесла ему мировую известность и высшую государственную награду – Сталинскую премию (1950).

¹ Поршнева Е.Б. Реальность воображения (записки об отце) // Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории. 2-е изд., доп. СПб., 2005 (в печати). Я признательна А.В. Гордону за возможность ознакомиться с этим текстом.

² См., например: Вите О.Т. Б.Ф. Поршневу: опыт создания синтетической науки об общественном человеке и человеческом обществе // Полития. 1998 № 3.

³ См.: Шаратов Ю. Защита докторской диссертации на тему «Народные движения во Франции в XVII веке» // Исторический журнал. 1941. № 5.

В отличие от других советских историков, которые следили за развитием исторической мысли за рубежом, развивали на новом материале подходы и идеи, появившиеся там, оставаясь в рамках дисциплины «история», Б.Ф. в специфических условиях советского времени всю жизнь культивировал в себе междисциплинарное мышление. При этом в центре его внимания всегда были люди, человек в истории. Он рано понял, что исследовать социальную жизнь, человеческие отношения нельзя без тесной связи различных дисциплин, без использования их подходов и специальных методов. Работая с историческим материалом, он старался держать в поле своего внимания другие социальные науки: социологию, психологию, антропологию, экономику, географию, лингвистику, семиотику. Мало того, он был уверен, что широкое видение исторического целого невозможно без философии. Наконец, он понимал, что интересующая его «загадка человека» укоренена в дисциплинах естественнонаучного цикла, прежде всего биологии и этологии, а «тайна начала человеческой истории» находится в самом центре «гносеологического пекла». Поэтому он следил за развитием теории познания и стремился понять природу человеческого мышления.

Борис Федорович так объяснил, почему потребность в междисциплинарном мышлении пронизывает его творчество:

«Еще в семье от отца химика я получил облечение естественнознанием. А начатки мышления неискоренимы на всю жизнь. В Московском университете на отделении, где я был студентом, тогда были соединены две профилирующие специальности – психология и история; я погрузился в обе, но занятия психологией под руководством профессоров Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова, по их совету, потребовали еще и третьего профиля: я стал уделять время параллельным занятиям на биологическом факультете. К окончанию университета созрело верное решение: психология – смык биологических и социальных наук, и, как ни сложны биологические, социальные еще много труднее, кто не понял их – немощен. А история – слиток всех социальных наук. Долгим трудом я достиг признанного мастерства историка: центр – история XVII века, широкий концентр – исторические судьбы «срединной формации», феодализма, еще более широкий – сам феномен человеческой истории от ее инициации до сегодня. Все это – закалка, прежде чем вернуться в психологию. И все это время я много читал по психологии и физиологии, чтобы никак не отстать от их поступи. И сохранить навык мыслить биологически.

Час синтеза подошел, когда я смог своими пальцами прикоснуться к началу истории. Участвовал в археологических экспедициях: по верхнему палеолиту – на Дону, по среднему – на Волге, по нижнему – в

Юго-Осетии... И тут я был озадачен: мои глаза замечали не то, что глаза превосходных археологов, у которых я учился. [...] И принялся я со всем возможным упорством за овладение современными знаниями по экологии и биологии млекопитающих и птиц. А одновременно подвигались и мои экспериментальные, на собаках и обезьянах, и теоретические исследования по физиологии высшей нервной деятельности животных. Оставалось сделать завершающий шаг в «науки о человеке» – в психологию и антропологию. Как историк и как биолог я на всем пути учился видеть то, что не надлежит видеть. Этот парус навел меня на два предмета: на тайны психофизиологии речи и на реликтовых неговорящих троглодитов. Кое-кто занимается снежным человеком, ибо уж больно интересно: что это там такое? Я же занимаюсь им только ради вопроса: что такое человек?»⁴

Б.Ф. Поршнев не видел большой разницы между естественными науками и науками социальными. И те, и другие, для того, чтобы приносить пользу людям и обеспечивать прогрессивное развитие человечества должны были искать и экспериментировать, изобретательно соединяя теорию и практику. Он считал, что «наличие разных тенденций, разного направления мысли» во всякой научной дисциплине «законно»⁵. Любая наука прибегает к абстракциям, к мысленным моделям и упрощениям, хотя историк делает акцент на среде, детерминирующей судьбы конкретного избранного объекта. Он полагал, что главное в историческом процессе – это отношения людей, общностей. Эти отношения сложны, в пределе чреваты противоположностями, поэтому борьба, понимаемая не только как борьба классов, но как вечное брение, агон, пронизывает всю историю человечества. Чрезвычайная многомерность, неподатливость социальной материи требует постоянного поиска и конкретно-исторического и теоретического. Для изучения сложных явлений необходимы сложные и тонкие исследовательские программы. Роль историка не сводится к простому «сбору сырого материала», к тому чтобы «заставить заговорить сами источники». Размышляя о государстве, о межгосударственных отношениях, о социально-психологических общностях, о природе человеческого мышления и творчества, он учился у этнографов, археологов, антропологов и лингвистов, физиологов и биологов и не уставал звать к сообществу историков обратиться к теоретической рефлексии. Никто не даст историку готовый рецепт, который можно было бы приложить в разнообразным темам исторической науки.

---

⁴ Поршнев Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 7. С. 125.

⁵ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 3.

Каждая тема требует особого метода, к которому приведет «лишь путь теоретических исканий»⁶. Идя по этому пути, Поршнев много размышлял о понятиях, об историческом времени, о диалектике динамики и статики, подчеркивал «большое значение разрушительной работы по отношению к традиционным и привычным» подходам.

Особое место в творчестве Поршнева историка занимал конкретный «хронологический кадр» – первая половина XVII в. Сюда он многократно возвращался, всякий раз на новом материале. И всегда это было связано с острой потребностью в концептуальном осмыслении.

Поршнев сформировался как ученый в советское время и, конечно, был марксистом. Как и все советские историки, он работал в условиях принудительного единомыслия, которое требовало определенных компромиссов и обязательного конъюнктурного приспособления к политическим указаниям, идущим от Коммунистической партии и «единственно верной» научной методологии-идеологии. Разделяя во многом марксистскую мифологию советской интеллигенции, он внес свою лепту в советскую философию истории, но не был догматиком. «Марксизм, – пишет Поршнев, – это строго научное понимание законов и условий процессов общественной жизни. Это единство абстрактной теоретической мысли и самого конкретного знания. Вместе с тем марксизм – это мечта и страстность»⁷. Возможно, противоядием от догматизма был не только незаурядный талант ученого, но и его страстная вера в науку, как некую социальную практику, которая способна преобразовать мир. Задачу построения новой общественной жизни, которая предполагала и преобразование самих людей, Поршнев считал грандиозной и необычайно трудной. Для ее реализации, писал он, «требуется точное и ясное знание с самой разной “наводкой”: в объектив должны попасть как отвлеченнейшие экономические законы, так и все другие уровни приближения к конкретности, кончая живым биением человеческих чувств»⁸.

Всю жизнь Поршнев стремился к неизвестному, новому, полагая, что в социальных науках, включая историю, «возможны не только систематика, но и открытия». Многие из того, что сделал Б.Ф., было пионерским. Например, его книга о народных движениях во Франции накануне Фронды⁹ открыла не только для российских, но и для зарубежных ученых тему народных движений как таковую. Главную

---

⁶ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. С. 9.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Поршнев Б.Ф. Народные движения во Франции перед Фрондой (1623-1643). М., 1948.

цель своей работы Поршневу видел в том, чтобы установить сам факт «насыщенности французской общественной жизни» народными движениями, поскольку до этого в сочинениях по истории французского XVIII в. эти движения окружал «заговор молчания». В лучшем случае, о них упоминали бегло и поверхностно в виде отдельных примеров. Изучая Фронду, автор обнаружил в Ленинграде фонд Дубровского, где содержались неизвестные ранее документы, и подверг их тщательному анализу. Его исследовательская стратегия заключалась в том, чтобы, «детально препарировав историю конкретных восстаний, уяснить и анатомию всего французского общества».

Поршневу априорно исходил из идеи о «первостепенном значении массовых народных движений, в частности крестьянских, для научного объяснения и экономической, и политической, и культурной истории прошлых эпох». Однако этот труд не только проиллюстрировал на конкретном материале одну из главных марксистских идей о том, что классовая борьба – движущая сила истории. В этой книге, вопреки доминировавшим тогда представлениям, Поршневу показал первостепенную важность социальной, человеческой истории, необходимость осмысливать ее вновь и вновь не только идеографически, но и теоретически. Не случайно ортодоксальные советские историки упрекали его в недооценке экономического фактора, в отрыве социальных движений от способа производства¹⁰.

Разумеется, как почти все, что делал Б.Ф. Поршневу, этот его труд вызвал много споров. «Едва ли какая-либо книга иностранного автора по истории Франции, – писал В.М. Далин в 1981 г., – вызвала за последние десятилетия такую оживленную дискуссию, как труд талантливого советского историка Б.Ф. Поршнева. Отзывы на нее появились не только во французской, но и в немецкой, английской, итальянской, американской, румынской, венгерской исторической прессе. Как бы горячи не были споры об этой книге, одна заслуга ее автора остается совершенно очевидной. Именно благодаря Б.Ф. Поршневу, крестьянские движения – и не только французские – привлекли к себе внимание ряда исследователей, в том числе и страстного

---

¹⁰ В конце 40-х годов, когда Поршневу написал свои скандально знаменитые статьи о «четырех признаках средневековья» его обвиняли не только в отрыве базиса от надстройки, но приписывали незнание «марксистско-ленинской теории», «извращение ленинизма и отход к народничеству, «неодюрингианство» и «неонародничество». В то время это были политические обвинения. Не удивительно, что он написал покаянное письмо в журнал «Вопросы истории», где признал свои ошибки. Впрочем, многие историки, пытаясь защитить Поршневу, говорили, что он в этих статьях лишь более последовательно проводил мысль, которая была в основе его знаменитой книги о народных движениях перед Фрондой.

оппонента Б.Ф. Поршнева Ролана Мунье»¹¹. Однако дискуссионность этой книги, наряду со справедливыми упреками в том, что Б.Ф. не всегда был аккуратен в работе с источниками¹² не помешала тому, что «судьба работ Б.Ф. Поршнева по истории Франции была столь же исключительной, как и судьба работ И.В. Луцицкого» (В.М. Далин). На несколько десятилетий тема народных движений стала одной из главных тем не только советской, но и международной историографии. А ракурс осмысления истории «снизу» дал значительные научные результаты. Правда, у нас в годы Перестройки тема социальных движений надолго вышла из моды. Примерно тогда же в международной историографии акцент сместился с изучения массовых явлений на индивидуальные. Но коллективная составляющая истории все равно осталась. И есть основания полагать, что капризная научная мода вновь возвращается к ней¹³.

Понимая, что любые теоретические искания подстегиваются «кислородным голоданием» «сегодняшнего дыхания», Поршнев много размышлял о взаимодействии истории и социологии. В частности, он предложил создать новую науку – историческую социологию международных отношений. О трудностях на этом пути он размышляет в одной из лучших своих исторических работ, над которой трудился около 30 лет¹⁴. В этой книге Б.Ф. утверждает, что история международных отношений не должна сводиться к идеографическому описанию внешнеполитических стратегий отдельных государств, межгосударственных связей или истории дипломатии. Идя от структурной лингвистики Ф. де Соссюра, он показывает важность «различения вертикального и горизонтального разреза потока исторических явлений» и призывает историков внимательно присмотреться к синхронии в исторических исследованиях, разработав особую методику изучения горизонтального среза на материале истории международных отношений второй четверти XVII в.¹⁵ Предлагая схемы «структурно»

---

¹¹ Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981. С. 260.

¹² См., например: Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л., 1982. Гл. 3.

¹³ См. об этом: Чеканцева З.А. Методологический синтез, междисциплинарный подход и возможности обновления истории «снизу»: Франция XVII-XVIII вв. // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск. 2002.

¹⁴ Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

¹⁵ «Синхронистический метод – рассмотрение судеб многих народов и стран в их одновременной связи» до сих пор прочно живет в международной аналитике. См., например: Косолапов Н.А. Международные отношения: эпистемология и методы исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3.

целостной Европы середины XVII в., Б.Ф. подчеркивает, что его выкладки, схемы и чертежи не претендуют на какое-либо окончательное и абсолютное значение. «Они представляют собою авторскую интерпретацию, а не фотографию историко-политической карты»¹⁶. Он отмечает, что метод синхронии не противоречит таким традиционным для истории подходам как диахроническое описание или сравнительно-исторический анализ. Напротив, они могут взаимно дополнять и обогащать друг друга. В то же время Поршневу показывает, что идея изучения истории с помощью горизонтальных срезов требует от историка понимания диалектики «внутреннего» и «внешнего», «страны» и «региона», актуализируя роль исторической географии, а также особого внимания к теоретическому осмыслению различных человеческих общностей от первичной формы взаимодействия «я и ты» до человечества¹⁷.

Согласно Поршневу внешнеполитические аспекты тесно связаны с различного рода процессами внутри стран. Идея горизонтального или пространственного единства в интерпретации Поршнева, по сути, выводит на проблему «тотальной» истории в духе Ф. Броделя. «Синхронистический срез», убеждал Поршневу, помогает обнаружить «сложнейшее кружево различий». И «это не только границы, но и отношения языков, культурных кругов, вероисповеданий, идеологий, перепады экономических уровней, различия хозяйственных областей, денежных систем и многие другие». Одним словом, «синхронистический срез взаимоотношений государств, цивилизаций, вообще всех элементов жизни людей по какой-то избранной дате или узкому периоду открывает сферу плодотворных научных исследований»¹⁸.

В этой книге Б.Ф. поставил еще один важный для современной науки вопрос – проблему масштаба исследования. Разумеется, в центре его внимания были социальные общности, группы, классы, тем не менее, он подчеркивал чрезвычайную важность микромасштаба наблюдения, позволяющего показать конкретное, индивидуальное, единичное в истории, в том числе в истории международных отношений. Один человек, «живой узелок истории» под объективом микроскопа историка может связать «церкви, государства и рынки»¹⁹. Эти страницы, написанные Б.Ф. еще в 60-е годы, воспринимаются сегодня как продукт казусного мышления.

Французские историки, во многом не соглашаясь с Поршневым, тем не менее, не могли не признать, что его книги, основанные на бо-

¹⁶ Поршневу Б.Ф. Франция, английская революция... С. 38.

¹⁷ Там же. С. 24-28.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 339-354.

гатов фактическом материале, «будили мысль» и помогали искать пути к пониманию таких сложных исторических явлений как Фронда, французское государство, социальная жизнь, международные отношения, история идей.

В ответ на жесткую критику своих работ по социальной истории, Поршнев обратился к исследованию политэкономии феодализма, вновь подчеркивая, что «историческая наука нуждается для своего успешного развития во взаимодействии конкретно-исторических исследований с исследованиями теоретическими»²⁰. Задача его книги «Феодализм и народные массы» – «теоретическое рассмотрение ряда понятий, категорий, закономерностей, на знание которых историк опирается при изучении конкретных явлений». Поршнев пытался осуществить синтез «общей методологии истории» и достижений современной науки, прежде всего советской. Объясняя свой замысел, он писал: «Нередко работы по основным теоретическим вопросам истории, по методологии истории... пишут не историки. Теория в этих работах не сближается вплотную с арсеналом фактов, которыми владеет историческая наука, с разнообразными частными проблемами, поднимающимися от фактов. С другой стороны в иных сочинениях историков царит «фактология». Поэтому историкам стоит самим покрепче взяться за теорию и двинуться навстречу философам и экономистам»²¹. Многие медиевисты не приняли эту книгу, главным образом потому, что Поршнев в ней работал не так, как было принято в историческом сообществе. Ему указывали, что эта книга нарушает принятые дисциплинарные нормы, что он не историк.

Кроме того, ученый предложил развернутую программу изучения человеческой субъективности, которая станет основой новой дисциплины – исторической психологии. «Самой субъективной стороной субъективного», по Поршневу является исторически меняющаяся психика людей. История без психики – это история без живых людей, это «обесчеловеченная» история²². Историки, сильно отставшие в изучении психической стороны субъективных аспектов описываемых ими массовых явлений обязаны активно включиться в исследование социальной психологии, поскольку в широком общеметодологическом смысле «всякая психика человека является социальной»²³. Лишь безнадежные «экономические материалисты» могут думать, что

---

²⁰ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 7.

²¹ Там же.

²² Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. С. 8.

²³ Там же. С. 6.

восполнение этого пробела привело бы к «психологизации» истории²⁴. Необходимо изучать не только идеологию, но и «психические состояния», имеющие собственную структуру и специфику. Эти состояния проявляются как комплекс привычек и обычаев, которые Поршнев назвал устойчивым «психическим складом», и как динамичные настроения, «психические сдвиги». Они характерны и для отдельного человека и для общностей, начиная от первичной группы взаимодействия «я – ты», через множество промежуточных субъектов истории вплоть до всего человечества. Они осуществляются почти инстинктивно, в силу традиции, переплетены с действиями, эмоционально окрашены. Этот «нижний этаж социального общения», заслуживает самого пристального внимания, поскольку его исследование позволит выявить механизмы «взаимного воздействия людей посредством речи, а также мимики, жестов, выражения эмоций»²⁵. Кроме того, в деятельности человека не все можно объяснить рационально, нередко поступки людей обусловлены традиционными представлениями, действиями и эмоциями. Нетрудно заметить, что Б.Ф., не используя термин «ментальность», пишет о важности исследования не связанных с рефлексией многообразных проявлений сознания и поведения в человеческих сообществах: «В конечном счете, социальная психология, разрабатываемая и психологами и историками применительно к прошедшим эпохам, – это гигантская лаборатория для познания и выверки тех понятий, которые нужны нам в современной общественной практике».

Углубляясь в проблемы человеческого сознания²⁶, Б.Ф. приходил к мысли об упрощенности детерминистского здания, выстроенного позитивистской наукой. «Науки об “истинном”, лежащие в основе замечательных достижений технической кибернетики, такие как логика и теория информации, как математическая логика и семиотика, – писал он, – останутся неполными и хромающими на одну ногу, пока не будут дополнены науками о «неистинном». Способность человеческого ума к заблуждениям, абсурду и противоречию, т.е. к извращению реальности, не может быть объяснена только как механистические поломки мыслительной машины. Она восходит к «дологическому мышлению»²⁷.

---

²⁴ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. С. 12.

²⁵ Там же. С. 194.

²⁶ «Самое трудное это осознание сознания. Никогда не стояло перед наукой задачи более сложной в том смысле, что это требует самого полного преодоления человеческой субъективности, наивного антропоморфизма». – Там же. С. 203.

²⁷ Там же. С. 200.

Этой теме была посвящена, возможно, главная книга Б.Ф. – по палеопсихологии²⁸.

Обширные междисциплинарные исследования Б.Ф. Поршнева в области истории были направлены на разработку комплексного подхода к изучению человека в общественно-историческом процессе. Главное в его творческом почерке: исключительная широта интересов, междисциплинарность мышления как естественная основа научной работы, неутомимый и страстный поиск нового, смелость в постановке задач, порой не всегда достаточная академическая добросовестность и осторожность в процессе их реализации. Своим творчеством Б.Ф. способствовал поискам того «общего пути», который нащупывали социальные науки в течение всего двадцатого столетия. Важным результатом этих поисков стало становление когнитивных наук и удивляющая своим обновляющим потенциалом антропологически ориентированная история. И то и другое может быть представлено как пересекающиеся и перспективные междисциплинарные исследовательские поля, активно развивающиеся посредством разнообразных культурных практик.

---

²⁸ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М. 1974.